

Образ поляков в избранных произведениях В. П. Астафьева. Имагологический анализ

Александр Вавжинчак

Институт восточнославянской филологии

Ягеллонский университет в Кракове, Польша

Institute of East Slavonic Studies

Jagiellonian University in Kraków, Poland

E-mail: aleksander.wawrzynczak@uj.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0002-7817-2107>

<https://ror.org/03bqmcz70>

Резюме. В статье проводится имагологический анализ образа поляков в избранных произведениях классика русской литературы XX в. В. П. Астафьева. Предметом анализа стали произведения из двух циклов писателя – «Последний поклон» и «Затеси». Образ поляков у Астафьева связан как с воспоминаниями о детстве, так и с его военным опытом. Проведенное исследование выявило ряд особо выделенных Астафьевым отличительных черт поляков: патриотизм и приверженность национальным религиозным традициям, трудолюбие и честность. В рассказе «Открытие костела», описывая свое случайное присутствие в 1977 г. на открытии нового костела в рабочем районе Кракова кардиналом Каролом Войтылой, писатель выразил уникальное для русской литературы уважение к достижениям этого католического священника, ставшего впоследствии папой римским Иоанном Павлом Вторым. Он также высоко ценил поляков за их последовательное сопротивление коммунистическому тоталитаризму, видя в подобной резистенции образец для подражания.

Ключевые слова: Астафьев, поляки, имагология, гетерообраз, автообраз.

The Image of Poles in the Selected Works of V. P. Astafiev.

Imagological Analysis

Abstract. The article analyses the image of Poles in selected works of Viktor Petrovich Astafiev, a classic of Russian literature of the twentieth century. The subject of the analysis is works from two cycles of the writer – *The Last Tribute* and *Zatesi*. Astafiev's image of Poles is con-

Received: 01/07/2025. Accepted: 28/08/2025

Copyright © 2025 Александр Вавжинчак. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

nected both with his childhood memories and his military experience. The research revealed a number of distinctive features of Poles especially highlighted by Astafiev: patriotism and adherence to national religious traditions, diligence and honesty. In the story “*The Opening of the Church*”, describing his accidental presence in 1977 at the opening of a new church in a working-class neighbourhood of Kraków by Cardinal Karol Wojtyła, Astafiev expressed a unique respect shown in the Russian literature to the achievements of this Catholic priest who later became Pope John Paul II. He also appreciated the Poles for their consistent resistance against communist totalitarianism, seeing him as a role model.

Keywords: Viktor Astafiev, Poles, imagology, heteroimage, autoimage.

Lenkų įvaizdis V. Astafjevo kūrinuose: imagologinė analizė

Santrauka. Šiame straipsnyje pasitelkiant imagologinę analizę nagrinėjamas lenkų įvaizdis ke-liuose XX a. rusų literatūros klasiko V. Astafjevo kūrinuose. Analizei pasirinkti du autoriaus kūrinių ciklai – „Paskutinis atsisveikinimas“ ir „Įraižai“. Lenkų įvaizdis Astafjevo kūryboje siejamas tiek su vaikystės prisiminimais, tiek su jo karo patirtimi. Tyrimas atskleidė kelias Astafjevui ypač svarbias lenkų tautos savybes: patriotizmą ir ištikimybę nacionalinėms religi-nėms tradicijoms, darbštumą ir sąžiningumą. Novelėje „Bažnyčios atidarymas“, aprašydamas savo atsitiktinį dalyvavimą 1977 m. naujos bažnyčios Krokuvos darbininkų rajone atidarymo iškilmėse, kurias vedė kardinolas Karolis Wojtyła, rašytojas išreiškė rusų literatūrai nebūdingą pagarbą šio katalikų dvasininko veiklai. Vėliau Wojtyła tapo popiežiumi Jonu Pauliumi II. Astafjevas taip pat labai gerai vertino nuoseklų lenkų pasipriešinimą komunistiniam totali-tarizmui, nes šiuose veiksmuose matė sektingą rezistencijos modelį.

Reikšminiai žodžiai: Astafjevas, lenkai, imagologija, hetero-įvaizdis, savivaizdis.

Начало имагологическим исследованиям в литературоведении положили труды французских филологов рубежа 40–50-х гг. прошлого столетия – Жан-Мари Карре и Мариуса-Франсуа Гийяра. Опираясь на критику американских компари-тивистов, чьи исследования сосредотачивались на проблеме литературных влияний, упомянутые авторы, и в первую очередь Гийяр, в центр внимания ставили проблему рецепции «чужого» разными национальными литературами. Данное направление поддержали и на протяжении нескольких десятилетий творчески развивали другие европейские исследователи – Хуго Дизеринк, Даниэль-Анри Пажо, Ларри Вульф. В России имагология также привлекла внимание ряда ученых, о чем свидетельствуют работы Всеволода Багно, Нины Михальской, Виктора Хорева и других. Особого внимания в этой области, на наш взгляд, заслуживают работы Манфреда Беллера и Йэнпа Леерссена – ве-дущих имагологов начала XXI в. М. Беллер много внимания уделяет основному имагологическому понятию – **образу**. По мнению немецкого исследователя,

образ является ментальным силуэтом другого, «который определяется характеристиками семьи, группы, племени, народа или расы» (Beller, 2007, p. 4). Далее он отмечает: «Такой образ управляет нашим мнением о «других» и контролирует наше поведение по отношению к ним. Культурные разрывы и различия (обусловленные языком, менталитетом, повседневными привычками и религиями) вызывают положительные или отрицательные суждения и образы» (Ibid.)¹

В результате, пишет исследователь, образ других стран, народов, культур в нашем представлении основывается на выборочных оценочных суждениях (Ibid., p. 5). По замечанию же Й. Леерссена, исследования которого сосредотачиваются на изучении формирования национальных типов на базе оппозиции «свой» – «чужой», задачей имагологии остается изучение логики дискурса о «чужом» и установленного состава культурных и поэтических конвенций. Голландский ученый отмечает: «Особенность этнотипов в том, что они выделяют нацию из остального человечества, приписывая ей определенный характер, т.е. темпераментную или психологическую предрасположенность, мотивирующую и объясняющую конкретный поведенческий профиль» (Leerssen, 2016, p. 17).

Тем самым образ в имагологическом понимании обладает чертами стереотипа: он аксиологичен, оценочен и эмоционально заряжен. Также, подобно стереотипу, в зависимости от перспективы образ может относиться к собственной общности – в таком случае мы имеем дело с **автообразом**, или же к другим общностям, и тогда речь идет о **гетерообразе**. В то же время образы, независимо от перспективы, отличаются от стереотипов многомерностью, многозначностью и многоаспектностью; самым же важным отличием остается динамичность образов, их способность меняться в зависимости от текущей политической и общественной повестки. В настоящей статье предметом анализа станет гетерообраз поляков в избранных произведениях русского писателя второй половины XX в., Виктора Петровича Астафьева.

Литературное наследие Астафьева невозможно рассматривать без учета бурных общественно-политических процессов, происходивших в России и Европе XX в. – большевистской революции и установления сталинского тоталитаризма; Второй мировой войны, на фронтах которой будущий писатель воевал; послевоенных метаморфоз советского строя, в том числе формирования, а затем распада лагеря социалистических стран, политически зависимых от СССР, и вслед за этим краха самой советской империи. Все эти события находили отражение в прозе и публицистике сибирского литератора, и под их

1 Здесь и далее перевод мой. – А.В.

влиянием он сам идейно и ментально эволюционировал. Живя в многонациональной стране, имея за собой опыт солдата-фронтовика, которому довелось очень недолго, но все же воевать и за пределами своей родины, участвуя в боях на территории Польши, Астафьев не мог остаться в стороне от межнациональных и межкультурных проблем. Суждения о других нациях представителя «деревенской прозы» – консервативного и традиционалистского направления в русской литературе второй половины XX в., автора «Последнего поклона» неоднократно вызывали острые споры и противоречивую реакцию критики. Ярким примером того стала скандальная переписка Астафьева с литературоведом Натаном Эйдельманом – следствие публикации в 1986 г. астафьевского рассказа «Ловля пескарей в Грузии». Переписка наглядно показала сложность личности и особенности непримиримого характера писателя-«деревенщика», а также его приверженность мифологемам русского национализма. Впоследствии Астафьев многократно выражал сожаление по поводу пресловутой переписки. Однако, несмотря на то, что, в отличие от других классиков «деревенской прозы», он на волне перестройки и распада СССР резко и последовательно критиковал коммунистический тоталитаризм, а также поддерживал реформы ельцинской эпохи, либеральная интеллигентская среда дистанцировалась от него. Давние же соратники из национал-патриотического лагеря считали и вовсе предателем – ярким проявлением такой позиции стала, например, скандальная статья главного редактора журнала «Родная Кубань» Юрия Павлова (Павлов, 2024, с. 729–740). Последние годы жизни писатель оставался, по сути, в творческом и идейном одиночестве, что, кстати, не помешало ему создать произведения, ставшие вехами в процессе развития военной прозы: честного, свободного от идеологических клише, изображения бесчеловечного ужаса войны – романа «Прокляты и убиты», а также повестей «Так хочется жить», «Обертон» и «Веселый солдат».

На фоне гетерообразов евреев и грузин (в рассказе «Ловля пескарей в Грузии» и последовавшей за его публикацией переписке) присутствующий в прозе Астафьева образ поляков не вызывает особых споров. Но и он обладает целым рядом признаков, заслуживающих внимания с точки зрения имагологического анализа. Польские персонажи присутствуют в нескольких произведениях писателя. В основном они связаны с темой войны и боями на территории Польши, в которых он принимал участие, а также с послевоенными контактами с Польшей и поездкой, совершенной Астафьевым в эту страну в 1977 г. по приглашению польского издателя его произведений. Однако, учитывая автобиографический характер подавляющего большинства произведений «праведника из Овсянки» (О. Нехаев), самый ранний контакт с представителем польского народа в жизни

писателя произошел еще в детстве и, по нашему убеждению, имел важные последствия для его дальнейшей судьбы. Речь идет о Васе-поляке, герое рассказа «Далекая и близкая сказка», открывающего первую книгу повести в рассказах «Последний поклон».

Основной чертой данного персонажа является его **инаковость**, о чем свидетельствует хотя бы то, что герой живет в стороне от других – в караулке поодаль завозни, располагающейся «на задворках [...] села среди травянистой поляны» (Астафьев, 1997, т. 4, с. 8). Он – единственный из жителей деревни носит очки, чем вызывает «пугливую учтивость» (Там же, с. 9) у окружения. Манера поведения мужчины также подчеркивает его инородные корни: «Вася пил чай не по-нашему, не вприкуску и не из блюдца, прямо из стакана пил, чайную ложку выкладывал на блюдце и не ронял её на пол» (Там же). Отшельнический образ жизни Васи-поляка вызывает особые опасения у сельской детворы, в том числе у главного героя цикла и заодно повествователя Вити Потылицына. Все меняется, когда в один мрачный осенний вечер запоздавший Витя спешит домой и неожиданно слышит, как обитатель караулки играет на скрипке. Впервые в жизни русский крестьянский мальчик слышит музыку и сразу же ощущает на себе природную, живительную силу искусства:

[...] из-под увала, из сплетений хмеля и черемух, из глубокого нутра земли возникла музыка и пригвоздила меня к стене.

[...] Музыка льется тише, прозрачней, слышу я, и у меня отпускает сердце. И не музыка это, а ключ течет из-под горы. Кто-то припал к воде губами, пьет, пьет и не может напиться – таки иссохло у него во рту и внутри.

(Там же, с. 11)

Звуки скрипки вызывают у героя-повествователя светлые и в то же время грустные воспоминания о погибшей матери, которую он уже никогда не увидит, о других своих усопших предках. Возникающие у Вити поначалу не понятные ассоциации объясняются признанием самого Васи-поляка. Сыгранное им произведение – «Полонез Огинского» – это прощание композитора с родиной, которую он вынужден был покинуть. И, по словам Васи-поляка: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина – он еще не сирота» (Там же, с. 14).

Этот комментарий потомка польских ссыльных, потерявших свою родину, становится для Вити уроком не только любви к близким, но и настоящего патриотизма – не насаждаемого государством и идеологией, а нутряного, вытекающего из ощущения естественной связи со своим родом и с землей, на которой человек родился и вырос. Кроме того Вася-поляк оказывается тем человеком,

благодаря которому русский мальчик впервые соприкасается с другой культурой и высоким искусством. Учитывая особую, многократно декларируемую любовь Астафьева к музыке, особенно классической, данный эпизод следует рассматривать как один из важнейших в процессе формирования личности героя его автобиографического произведения «Последний поклон». Польская культура становится для него таким же импульсом для дальнейшего развития, каким была она и для русской элиты XVII в.

Присутствие «чужого» в родном селе Вити представляется как особая ценность. Старый поляк в глазах остальных жителей – живая легенда. Его смерть – важное, скорбное событие, на похороны же сходится вся деревня. Затем, в течение некоторого времени, «не было уж такого дома, такой семьи в селе, где бы не помянули его добрым словом в родительский день» (Там же, с. 20). И хотя следы Васи-поляка в селе не сохранились – сперва обрушилась оставшаяся от него караулка, затем в войну «какой-то лиходея начал воровать с деревенского кладбища кресты на дрова, первым унес он грубо тесанный листовенничный крест с могилы Васи-поляка», после чего место захоронения затерялось, – он все же остался в памяти сельчан. К уже повзрослевшему Виктору воспоминание о земляке-«инородце» возвращается в момент, когда он вместе с наступающей Красной армией оказывается в польском городке и там, посреди военной разрухи, слышит близкую его сердцу мелодию «Полонеза Огинского»: «Музыка гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолетов, треск и шорох горящих деревьев. Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил в сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней» (Там же, с. 21).

Портрет Васи-поляка несомненно обладает чертами, которые вписываются в традиционный в восприятии русских образ их западных соседей. Он носитель другой, привлекающей внимание и уважение культуры, добросовестный работника, настоящий патриот и, что особенно важно с точки зрения астафьевской прозы, он, как и его предки, – жертва русского империализма и абсолютизма, как в царской, так и в большевистской их ипостаси. Это делает Васю-поляка человеком, близким Вите Потылицыну, ведь главный герой «Последнего поклона» вынужден несколько лет беспризорничать из-за ареста своего отца.

Образ поляков и Польши в дальнейшем творчестве Астафьева также связан с темой искусства и духовности. В рассказе «Как лечили богиню» из цикла «Затеси», писатель обращается к военным воспоминаниям. Отряд, в котором он служит, ведет бой с гитлеровскими подразделениями за давнюю «панскую усадьбу» (Астафьев, 1997, т. 7, с. 50). В рассказе не названа местность, в которой происходит действие, но упоминаются владельцы усадьбы – шляхетский род

Потоцких, а также прилегающий к ней большой парк, в котором размещены статуи античных богов и богинь, что позволяет с полной уверенностью утверждать, что речь идет о замке в городе Ланьцут (Wawrzyńczak, 2023, с. 184–185). В результате артобстрела позиций советских солдат, повреждения получает одна из статуй, изображающая античную богиню:

Беззрачными глазами глядела белая богиня на ржавеющий фонтанчик, стыдливо прикрывая грех тонкопалою рукою. Она уже вся была издолблена осколками, а грудь одну у нее отшибло. Под грудью обнажились серое пятно и проволока, которая от сырости начала ржаветь. Богиня казалась раненной в живое тело, и ровно бы сочилась из нее кровь.

(Астафьев, 1997, т. 7, с. 52)

Обезображенная богиня особенно беспокоит одного из красноармейцев, который выпрашивает у командира отряда разрешения починить статую. Вскоре к нему присоединяется «хромой поляк в мятой шляпе» (Там же, с. 53). За пару дней статую восстанавливают. Правда, результат «ремонта» далек от идеала:

Богиню над фонтаном Абдрашитов и поляк починили. Замазали раны на ней нечистым гипсом, собрали грудь, но без сосца собрали. Богиня сделалась уродлива, и ровно бы бескровные жилы на ней выступили, она нисколько не повеселела. Все так же скорбно склонялась богиня в заплатах над замолкшим фонтаном, в котором догнивали рыбки и чернели осклизлые лилии.

(Там же, с. 54)

Совместные старания советского и польского любителей искусства не приносят лучшего результата не столько из-за отсутствия мастерства, сколько из-за обстоятельств. В условиях разрушительной, бесчеловечной войны уничтожается все доброе и прекрасное, и пока война продолжается, о подлинном восстановлении культуры, искусства, красоты не может быть и речи. Попытка преодолеть экзистенциальный фатум военной действительности заканчивается для обоих идеалистов трагически – они погибают при очередном артобстреле, а попавший в них снаряд уничтожает и статую. Любовь к искусству, не знающая ни культурных, ни национальных барьеров в условиях войны обречена на гибель.

В этом рассказе обращает внимание еще один важный с точки зрения имагологии аспект – это восприятие красноармейцами самой усадьбы польского шляхтича. Она вызывает у них разные эмоции. Герой-повествователь отмечает: «[...] было хорошо в этом парке, нам тут нравилось» (Там же, с. 50). Для

настрадавшихся за время похода и боя солдат усадьба становится пристанью, в которой они «быстро отъелись, выпарили вшей, постирали штаны, гимнастерки» (Там же, с. 51). Богатые интерьеры и изысканная мебель вызывают у них естественную зависть, окрашенную идеологическими клише: при виде диковинной мебели в виде канапе один из солдат восклицает: «Во, падлы, буржуи, живут, а!». Идеология проявляется и в осуждающем замечании повествователя о хозяине усадьбы, который покинул дом «на произвол судьбы, убежав с немцами» (Там же). Астафьеву, конечно, ни в 1944 г., ни позднее было невдомек, что бегство вслед за немцами не было предательством, а спасением от, несомненно, не радужной судьбы, которая ожидала польского дворянина со стороны коммунистической власти, которую несла с собой Красная армия. Таким образом, стереотипное восприятие польского гордого шляхтича дополняется социальными и идеологическими клише советского периода, искажающими исторические факты.

Уже в начале 1990-х гг. красноярский прозаик создал еще один рассказ с польскими мотивами, озаглавленный «Открытие костела» и включенный впоследствии в цикл «Затеси», в котором Астафьев делился с читателями впечатлениями от уникального события в его жизни, напрямую связанного с польской католической традицией. Это событие произошло во время поездки Астафьева в Польшу в 1977 г. по приглашению издательства католического объединения «Пакс». По инициативе сопровождавшего его Яна Ярцо – редактора издательства и выпускника отделения русской филологии Ягеллонского университета – советский писатель участвовал в открытии знаменитого костела «Арка Пана» («Ковчег Господен») в Новой Гуте. Костел стал первым храмом, построенным в этом районе Кракова, преимущественно населенным рабочими металлургического комбината, носившего тогда имя В. И. Ленина, и прославившимся многократными выступлениями жителей против коммунистического режима. Астафьев с нескрываемым восхищением упоминает о борьбе жителей Новой Гуты за построение храма, о столкновениях с милицией, о жертвах и волне возмущения, которая «смыла [...] с поста Гомулку вместе с его приспешниками» (Там же, с. 513). Вдохновляет писателя и тот факт, что деньги на построение храма собирали рабочие комбината имени Ленина, «главного безбожника и проходимца нашего века» (Там же). Упоминание «вождя революции» заодно с «приспешниками» Гомулки звучит как косвенное обвинение в адрес советской державы и насаждаемой ею в Польше коммунистической идеологии. В противостоянии с пассионарностью верующих католиков тоталитарному режиму пришлось уступить – в рабочем районе Кракова «открывался первый в послевоенное время костел на польской земле и едва ли не первый в Европе, воздвигнутый в

нынешнее время на всем народом собранные деньги» (Там же, с. 514). Участие в торжественном открытии костела дает повествователю возможность выразить искреннюю симпатию к польской нации. В первую очередь, он не скрывает восхищения массовым участием жителей города в открытии храма:

Двадцать пять тысяч человек собралось на открытие своего костела. Двадцать пять тысяч зонтиков загрозило площадь перед костелом и прилегающие к нему улицы. Две с лишним тысячи сестер милосердия с новыми сумками на груди, в новых белоснежных фартуках и белых чепцах, снежными лепестками, напоминающими сибирские подснежники, выстроились на обочине площади, готовые в любую минуту к любому мирянину прийти на помощь.

(Там же)

Астафьев отмечает организованность поляков, их готовность защищать свои национальные и духовные ценности, а также настоящую человеческую солидарность и готовность нести помощь ближнему. Подчеркивается уникальность как самого события, так и поведения его участников: «Ничего подобного никогда мне еще не приходилось слышать, никогда более не доводилось видеть такое единение, внимать такому могучему и смиренному сердцу молитвой объединенного парода» (Там же, с. 515).

Гостя из СССР поражает еще один эпизод – участие в мессе бывших узников немецких концлагерей, которое стало для него поводом для сравнения двух тоталитарных систем – немецкого фашизма и советского коммунизма. Отсутствие на мероприятии узников ГУЛАГа Астафьев объясняет так: «[...] их или не оказалось вживе – советские палачи работали “чище” немецких, или еще не наступило время для подобных демонстраций» (Там же, с. 517). Второе предположение, несомненно, соответствует действительности, однако в первом звучит редкое для русской литературы признание того, что жертвами советского тоталитаризма становились представители других стран, а не только СССР. Это признание достойно внимания на фоне проводимой сегодня путинским режимом фальсификации российской истории, особенно советского периода. С имагологической же точки зрения можно утверждать, что уважению поляков к жертвам войны и тоталитаризма Астафьев противопоставляет фальшь советской/российской мартирологии, полностью подчиненной интересам государства – в результате в **гетерообразе** поляков отражается **автообраз** русских.

Еще одно наблюдение повествователя противоречит распространенному стереотипу поляков, когда акцентируется их склонность к алкоголизму: «Ни одного не только пьяного, но и выпившего толпе не было» (Там же, с. 518). Здесь звучит и заочный упрек писателя в адрес соотечественников – кстати, в

своем позднем творчестве (рассказ «Людочка», повесть «Печальный детектив») Астафьев жестко осуждал пьянство русского народа.

Кульминационный момент в рассказе Астафьева связан с образом тогдашнего краковского кардинала Кароля Войтылы, который освящал «Арку Пана». Хотя он описан рассказчиком весьма скупое – вскользь упоминается торжественное одеяние будущего понтифика (Там же, с. 518) и его совместная молитва с собравшимися в костеле верующими – именно его присутствие подтверждает в глазах русского писателя особую, искреннюю религиозность поляков. В его восприятии они – «народ, объединенный верой, единой радостью, и печалью», празднующий «свое возрождение в храме Божиим» (Там же, с. 519). Завершает рассказ упоминание о выборе Войтылы Папой Римским и о его заслугах уже в качестве Иоанна Павла Второго в «умирении красной сатаны» (Там же), за что была пролита кровь самого же понтифика. В русской литературе это, пожалуй, единственный пример такого дружелюбного отношения к настоятелю католической церкви. По нашему мнению, особую важность этому образу придает тот факт, что он создан не приверженцем либерализма и западничества, а современным русским консерватором, для которого главными ценностями оставались не имперские мифы, а правда, честь и боль за судьбу собственного народа.

Проведенный имагологический анализ образа поляков в избранных произведениях Астафьева позволяет утверждать, что русский писатель с симпатией и уважением относился к представителям этого народа. Он ценил их независимость, смелость, любовь к европейской культуре, приверженность к народной и духовной традициям. Важным для Астафьева оставался и тот факт, что поляки, как и русские, стали жертвами коммунистического тоталитаризма, и, как кажется, в их истовом сопротивлении последнему писатель видел образец для подражания.

Литература

- Астафьев, В.П., 1997. Далекая и близкая сказка. В.П. Астафьев. Собр. соч. в 15 т. Красноярск: Офсет. Т. 4, с. 8–21.
- Астафьев, В.П., 1997. Как лечили богиню. В.П. Астафьев. Собр. соч. в 15 т. Красноярск: Офсет. Т. 7, с. 50–55.
- Астафьев, В.П., 1997. Открытие костела. В.П. Астафьев. Собр. соч. в 15 т. Красноярск: Офсет. Т. 7, с. 512–520.
- Павлов, Ю.М., 2024. «Поздний» Виктор Астафьев: темные и светлые знаки судьбы. В. П. Астафьев: *pro et contra*. Личность и идейно-художественное наследие В. П. Астафьева в оценках отечественных и зарубежных исследователей. Санкт-Петербург: ПХГА, с. 729–740.
- Beller, M., 2007. Perception, Image, Imagology. In: M. Beller, J. Leerssen, eds. *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*. Amsterdam–New York, pp. 3–16.

Leerssen, J., 2016. Imagology: On Using Ethnicity to Make Sense of the World. *Iberica*, No 10, pp. 13–31.

Wawrzyńczak, A., 2023. Podkarpacie 1944 oczami czerwonoarmisty. O Prozie wojennej i wspomnieniowej Wiktora Astafiewa. *Studia Pigioniana* MMXXIII, No 6, s. 177–192. <https://doi.org/10.12775/SP.2023.006>

References

Astaf'yev, V.P., 1997. Dalekaya i blizkaya skazka. In: *V.P. Astaf'yev. Sobraniye sochineniy v 15 t.* Krasnoyarsk: Ofset. Vol. 4, pp. 8–21.

Astaf'yev, V.P., 1997. Kak lechili boginyu. In: *V.P. Astaf'yev. Sobraniye sochineniy v 15 t.* Krasnoyarsk: Ofset. Vol. 7, pp. 50–55.

Astaf'yev, V.P., 1997. Otkrytiye kostela, In: *V.P. Astaf'yev. Sobraniye sochineniy v 15 t.* Krasnoyarsk: Ofset. Vol. 7, pp. 512–520.

Beller, M., 2007. Perception, Image, Imagology. In: M. Beller, J. Leerssen, eds. *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey.* Amsterdam–New York, pp. 3–16.

Leerssen, J., 2016. Imagology: On Using Ethnicity to Make Sense of the World. *Iberica*, No 10, pp. 13–31.

Pavlov, Yu.M., 2024. «Pozdnyy» Viktor Astaf'yev: temnyye i svetlyye znaki sud'by. In: *V.P. Astaf'yev: pro et contra. Lichnost' i ideyno-khudozhestvennoye naslediyе V.P.Astaf'yeva v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley.* St. Petersburg: RKHGA, pp. 729–740.

Wawrzyńczak, A., 2023. Podkarpacie 1944 oczami czerwonoarmisty. O Prozie wojennej i wspomnieniowej Wiktora Astafiewa. *Studia Pigioniana* MMXXIII, No 6, pp. 177–192. <https://doi.org/10.12775/SP.2023.006>